

DOI: 10.31696/S086919080037651-3

ВЛИЯНИЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ НА СТРАТЕГИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ИРАНА В 2021–2025 гг.

© 2026

Д.Р. ТАИРОВА^a^a – Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилёва,

Астана, Казахстан

ORCID: 0000-0001-7017-6405; Diana.rafikovna@mail.ru

Резюме: В статье исследуется влияние продолжающейся нестабильности в Афганистане на стратегию национальной безопасности Ирана в период 2021–2025 гг. Цель исследования заключается в выявлении, классификации и комплексном анализе основных рисков и угроз, с которыми сталкивается Иран после возвращения к власти движения «Талибан». Теоретической основой послужила Копенгагенская школа безопасности, позволяющая рассматривать безопасность как многомерное и междисциплинарное явление, охватывающее политические, военные, социально-экономические, гуманитарные и экологические аспекты. Методология базируется на сочетании качественного анализа официальных стратегических документов, экспертных оценок, метода Дельфи, сравнительного анализа и контент-анализа иранских медиа, научных публикаций и аналитических обзоров. Особое значение придаётся эксклюзивному интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Ирана в Республике Казахстан, позволившему раскрыть восприятие Тегераном афганского кризиса, его влияние на безопасность приграничных территорий и долгосрочные последствия для региональной стабильности и гуманитарной политики. В ходе исследования выявлено десять ключевых экзистенциальных угроз, среди которых наиболее значимыми являются терроризм, религиозный экстремизм, транснациональная преступность, водные конфликты, неконтролируемая миграция и экологическая деградация. Эти взаимосвязанные риски напрямую отражаются на внутренней и внешней безопасности Ирана. Результаты анализа подчеркивают адаптивный характер иранской стратегии, сочетающей прагматичную дипломатию, гуманитарное участие, развитие инфраструктуры и ограниченное взаимодействие с афганскими структурами. На основе проведённого исследования сформулированы практические рекомендации, направленные на повышение устойчивости Ирана: укрепление пограничного контроля, развитие диалога по управлению водными ресурсами, расширение региональной интеграции, участие в многосторонних инициативах и создание механизмов раннего реагирования на кризисы. Работа вносит эмпирический вклад в изучение региональной безопасности, предлагая систематизацию угроз и практические меры для государственных и международных институций; результаты полезны для политиков, аналитиков и гуманитарных организаций, работающих в регионе, а также содержат и рекомендации по усилению регионального сотрудничества и взаимодействия.

Ключевые слова: безопасность Ирана, Афганистан, региональная безопасность, движение «Талибан», терроризм, миграция, водные конфликты, внешняя политика

Для цитирования: Таирова Д.Р. Влияние нестабильности в Афганистане на стратегию безопасности Ирана в 2021–2025 гг. *Восток (Oriens)*. 2026. № 2. С. 110–122. DOI:10.31696/S086919080037651-3

THE IMPACT OF INSTABILITY IN AFGHANISTAN
ON IRAN'S SECURITY STRATEGY, 2021–2025

© 2026

Diana R. TAIROVA ^a^a – L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
ORCID: 0000-0001-7017-6405; Diana.rafikovna@mail.ru

Abstract: *This article examines the impact of Afghanistan's instability on Iran's national security strategy in 2021-2025. The study seeks to identify, classify, and analyze the principal threats and challenges that Iran faces following the Taliban's return to power. Drawing on the analytical framework of the Copenhagen School of Security Studies, the research adopts a comprehensive, multidisciplinary approach to explore political, military, socio-economic, and environmental dimensions of regional security. The methodological design integrates qualitative document analysis, expert assessment, scenario-building, and elements of the Delphi method. An exclusive interview with the Iranian Ambassador to Kazakhstan supplies first-hand insights into Tehran's interpretation of the Afghan crisis and its implications for regional stability and interstate cooperation. The research identifies ten major existential threats, notably terrorism, religious extremism, transnational criminal networks, disputes over shared water resources, uncontrolled migration, and ecological degradation. These interconnected threats illustrate how Afghanistan's internal instability affects Iran's domestic security, border governance, economic interests, and foreign policy behavior. The findings demonstrate the adaptive nature of Iran's strategic response, which combines pragmatic diplomacy, selective security cooperation, humanitarian engagement, and institutional resilience measures. On that basis, the article proposes concrete policy recommendations to enhance Iran's resilience to regional volatility, including strengthened border management, institutionalized cooperation on water governance, expanded regional integration mechanisms, and support for multilateral crisis response platforms. The study contributes empirically to scholarship on regional security dynamics and offers actionable policy insights for state actors, international organizations, and humanitarian agencies involved in conflict mitigation and stabilization. The findings also highlight the regional implications of Afghan instability.*

Keywords: Iran's national security, Afghanistan, regional security architecture, Taliban movement, terrorism, migration, water conflicts, foreign policy

For citation: Tairova D.R. The Impact of Instability in Afghanistan on Iran's Security Strategy, 2021–2025. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 2. Pp. 110–122. DOI: 10.31696/S086919080037651-3

После вывода американских войск из Афганистана в августе 2021 г. и возвращения к власти движения «Талибан» региональная архитектура безопасности Центральной и Южной Азии претерпела глубокие изменения. Для Исламской Республики Иран, непосредственно граничащей с Афганистаном и исторически вовлечённой в его внутренние процессы, это означало возникновение комплекса новых угроз – от роста нелегальной миграции и транснациональной преступности до обострения водных и конфессиональных противоречий. В этих условиях усиливающейся нестабильности особую актуальность приобрела адаптация внешнеполитической и оборонной стратегии Тегерана в афганском направлении. Цель данного исследования состоит в анализе влияния политических трансформаций в

Афганистане на национальную безопасность Ирана в 2021–2025 гг. и определении ключевых угроз, их восприятия и мер реагирования.

В рамках этого подхода исследование решает следующие задачи: выявление и классификация угроз, формируемых на территории Афганистана; анализ их отражения в стратегических документах Ирана; изучение роли религиозного и этнического факторов в иранско-афганских отношениях; а также моделирование вероятных сценариев развития ситуации и её последствий для региональной безопасности.

Современные исследования активно рассматривают проблемы трансграничной нестабильности, динамику иранской внешней политики и влияние радикальных движений на региональную безопасность. Взаимодействие Ирана и Афганистана в условиях нестабильности изучалось как западными, так и российскими авторами. Значительный вклад в анализ иранской региональной стратегии внесли В.И. Сажин и М.А. Конаровский, рассматривавшие безопасность страны через призму отношений с соседями, транснациональной преступности и водной безопасности [Сажин, 2022; Конаровский, 2021].

И.В. Сафранюк и Д.К. Окимбеков исследовали трансформацию афганского транзитного пространства и связанные с этим угрозы – наркотрафик, радикальные группировки и миграционное давление. Среди западных авторов выделяются Б.Р. Рубин, анализирующий фрагментацию афганского государства и последствия внешнего вмешательства [Rubin, 2021], а также исследования CSIS, посвящённые иранской оборонной политике [Cordesman, 2022]. Эмпирическую базу дополняют материалы UNODC, HRW, Brookings Institution, ICG и ИОМ, охватывающие вопросы миграции, водных ресурсов и приграничной безопасности.

Несмотря на широкий спектр публикаций, остаётся недостаточно изученной именно иранская стратегия на афганском направлении после 2021 г. Настоящее исследование частично восполняет этот пробел, используя метод Delphi и концепцию секьюритизации Копенгагенской школы. Согласно концепции секьюритизации, предложенной Б. Бузаном, О. Вэвером и Я. Де Вильде, безопасность рассматривается как процесс, в ходе которого определённые явления конструируются в общественном дискурсе как экзистенциальные угрозы, требующие особых мер реагирования.

Копенгагенская школа преодолевает ограниченность традиционного военно-политического подхода, рассматривая безопасность в многоуровневом измерении – политическом, экономическом, экологическом, социальном и военном. Такой междисциплинарный подход особенно релевантен для анализа иранско-афганских отношений, где вопросы безопасности включают миграцию, транснациональную преступность, религиозный экстремизм и угрозы инфраструктуре.

В данном контексте Иран выступает субъектом секьюритизации афганской повестки, формируя восприятие угроз, исходящих с территории Афганистана, и реализуя соответствующие политические, военные и гуманитарные меры реагирования.

Методологическую основу исследования составляют элементы *future studies* и метод Дельфи. Первый обеспечивает инструментальный сценарный анализ и прогнозирования, второй – многоэтапную экспертную оценку, позволяющую выявить наиболее значимые угрозы для Ирана. В рамках исследования были опрошены 58 экспертов в области безопасности – востоковеды, дипломаты, журналисты и представители силовых структур из Центральной Азии, Ближнего Востока, Европы и России. Их обобщённые оценки позволили определить ключевые риски, воспринимаемые Ираном как критически важные.

Таким образом, сочетание теории секьюритизации, методов *future studies* и экспертного анализа позволяет сформировать комплексное и обоснованное представление о характере и направлениях региональной безопасности Ирана в условиях нестабильности в Афганистане в 2021–2025 гг.

ОСНОВНЫЕ РИСКИ И УГРОЗЫ ДЛЯ ИРАНА, ИСХОДЯЩИЕ С ТЕРРИТОРИИ АФГАНИСТАНА

С момента прихода к власти движения «Талибан» в августе 2021 г. в Афганистане наблюдается значительное усиление региональной нестабильности. Для Ирана это означает необходимость выстраивания новой архитектуры безопасности на восточных границах. Угрозы, возникающие в результате трансформации внутренней обстановки в Афганистане, охватывают широкий спектр, от военных и террористических до гуманитарных, экологических и инфраструктурных. На основании экспертных оценок, собранных методом Дельфи, выделяются десять ключевых рисков, оказывающих критическое влияние на стратегическую устойчивость Ирана.

Террористическая активность и присутствие радикальных группировок

Одной из наиболее серьёзных угроз для Ирана остаётся потенциальное превращение Афганистана в территорию, предоставляющую убежище экстремистским группировкам с антииранской и анти-шиитской направленностью. Ещё до вывода войск США территория Афганистана рассматривалась как потенциальный буфер или плацдарм, включая размещение тренировочных лагерей недружественных акторов. Особенно тревожной считается активность в провинциях Герат, Нимруз и Гильменд, где по сообщениям международных наблюдателей и независимых аналитиков функционировали базы группировок «Моджахедин-э Хальк» и «Джундуллах», нацеленных на дестабилизацию восточных регионов Ирана [Maley, 2022; Rubin, 2021].

По данным отдельных аналитических докладов, лидер «Моджахедин-э Хальк» Мирьям Раджави в 2018–2020 годах действительно совершала поездки в приграничные районы, что интерпретируется рядом исследователей как демонстрация активной международной поддержки организации [ICG, 2022]. Наличие таких структур вблизи иранской границы усиливает тревожность Тегерана, особенно в контексте роста трансграничной преступности и фрагментации власти в Афганистане.

Религиозный фактор и суннитско-шиитское противостояние

Иран, являясь центром шиитского мира, традиционно уделяет особое внимание положению шиитских меньшинств в Афганистане, прежде всего хазарейской общине. Радикализация отдельных фракций движения «Талибан» и усиление влияния ИГИЛ повышают риск дискриминации шиитов, что может побудить Тегеран к активизации политики защиты их интересов. На протяжении последних десятилетий Иран инвестировал в развитие образования, здравоохранения и социальной инфраструктуры хазарейцев, формируя слой квалифицированных специалистов и тем самым создавая противовес распространению суннитского радикализма. Возрастающая роль хазарейской элиты, однако, одновременно усиливает религиозно-социальную напряжённость в афганском обществе.

Геополитическая конкуренция и вмешательство внешних акторов

Афганистан продолжает оставаться ареной соперничества глобальных и региональных держав, включая США, Индию, Пакистан и Саудовскую Аравию. Иран с тревогой наблюдает за активностью этих стран, особенно в вопросах военного и разведывательного присутствия. Углубление этого влияния может привести к стратегической уязвимости Ирана, особенно в аспекте его политико-безопасностной автономии. Особое внимание заслуживает растущее влияние Индии, инвестирующей в афганскую инфраструктуру и

гуманитарные программы, что усиливает её конкуренцию с Пакистаном и Ираном в сфере политического влияния [Ghafar, Lefèvre, 2023].

Особое значение в этом контексте имеет вероятность того, что Афганистан станет платформой для реализации внешнеполитических авантур, в том числе с использованием «частных военных компаний» и нелегитимных структур. Такие действия могут сорвать усилия по установлению стабильности и поставить под угрозу национальные интересы Ирана.

Наркоторговля и транснациональная преступность

Афганистан остаётся крупнейшим в мире производителем опиатов. Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), в 2022 г. объём производства опиоидного мака составил около 6 200 тонн, несмотря на официально объявленный запрет со стороны «Талибана» [UNODC, 2023]. Ситуация после прихода талибов к власти в 2021 г. претерпела кратковременное сокращение наркопосевов, но уже в 2023–2024 гг. наблюдается рост переработки мака в героин внутри страны и диверсификация экспортных каналов [International Crisis Group, 2022].

Один из наиболее активных маршрутов – ирано-балканский пролегает через территорию Ирана, Турции, Балканского региона и далее в Европу. Этот маршрут генерирует устойчивое давление на правоохранительные органы и пограничные службы Ирана.

Наркоторговля служит важнейшим источником финансирования транснациональных преступных сетей, включая экстремистские и радикальные группы. После 2021 г. в Афганистане также наблюдается рост производства метамфетамина, в том числе на мобильных лабораториях в приграничных зонах [UNODC, 2023]. Это создаёт дополнительную нагрузку на Иран и требует пересмотра стратегии приграничного контроля.

Иранские силовые структуры являются одними из наиболее активных в мире по борьбе с наркоторговлей: по официальным данным, с начала 2000-х гг. в ходе операций против наркосетей погибло более 4 000 сотрудников служб безопасности. Несмотря на высокий уровень конфискаций, масштабы проблемы остаются критическими из-за адаптивности преступных схем и слабости афганских структур контроля после смены режима.

Неконтролируемая миграция и гуманитарная нагрузка

Гуманитарный кризис в Афганистане вызвал масштабную волну вынужденной миграции, значительно усилив давление на Иран как на основную страну приёма. Тегеран принимает наиболее уязвимые этноконфессиональные группы, главным образом хазарейцев, что создаёт серьёзную нагрузку на социальную инфраструктуру и повышает риск проникновения экстремистских элементов под видом беженцев.

По оценкам иранских и международных источников, в стране проживает до 3 млн афганцев без официального статуса. Только в 2022 г. незаконно въехало около 700 тыс. человек, преимущественно через Систан и Белуджистан. Хазарейское население остаётся основной группой поддержки со стороны Ирана, получая гуманитарную и образовательную помощь, однако масштабы миграции превращают этот процесс в фактор внутренней нестабильности и социального напряжения (по данным UNHCR, на 2024 г. в Иране находится около 3,4 млн граждан Афганистана, из которых свыше 2,6 млн не имеют официального статуса) [UNHCR, 2024].

С 2023 г. иранские власти ужесточили режим депортации афганских мигрантов, одновременно декларируя приверженность гуманитарным обязательствам. Ежедневно в провинцию Нимруз возвращается от 2,5 до 4 тыс. человек, многие из которых вскоре вновь пытаются пересечь границу нелегально, формируя замкнутый цикл миграционного

давления, подрывающий ресурсы пограничных, медицинских и образовательных служб [The Wall Street Journal, 2025].

Одной из ключевых угроз остаётся инфильтрация радикальных элементов под видом беженцев. Отсутствие централизованной миграционной системы в Афганистане и сложности идентификации перемещённых лиц усиливают риск проникновения боевиков, связанных с ИГИЛ (Виляят Хорасан) и белуджскими сепаратистами. В этих условиях Иран акцентирует внимание на биометрическом контроле и расширении сотрудничества с международными структурами.

С 2024 г. реализуются программы по легализации афганских мигрантов – выдача временных идентификационных карт, ограниченный доступ к социальным услугам и привлечение беженцев к восстановлению приграничной инфраструктуры [UNHCR, 2024; NRC, 2023]. По данным ИОМ, Иран остаётся крупнейшим принимающим государством региона, несмотря на внутренние экономические трудности [ИОМ, 2023].

Гуманитарная нагрузка остаётся крайне высокой: значительная часть афганцев по-прежнему не имеет правового статуса и сталкивается с ограничениями в доступе к базовым услугам [HRW, 2024]. Это требует от Ирана институциональных реформ и международной поддержки – прежде всего перераспределения беженцев, гуманитарного финансирования и технической помощи со стороны ООН, ЕС и стран Персидского залива.

Угрозы для инфраструктурных и экономических проектов Ирана

Политическая нестабильность в Афганистане негативно влияет на реализацию иранских инфраструктурных инициатив, включая железнодорожные линии Герат–Хаф и Герат–Кандагар, предназначенные для интеграции западных районов Афганистана в транспортную сеть Ирана. Ухудшение безопасности и отсутствие устойчивого управления в Кабуле делают невозможным долгосрочное планирование.

Особенно уязвимы проекты по развитию сухопутных коридоров в рамках инициативы «Восток–Запад», а также строительные и логистические компании с иранским капиталом. Это приводит к снижению экономической эффективности инвестиций и ослаблению стратегического присутствия Ирана в западных и центральных провинциях Афганистана.

Дополнительным фактором угрозы является рост китайского и пакистанского влияния в инфраструктурных проектах, таких как порт Гвадар и трансафганские линии энергоснабжения, что усиливает конкуренцию и ослабляет геоэкономическую позицию Ирана. Кроме того, нестабильность и вооружённые столкновения делают невозможным безопасный экспорт продукции через афганскую территорию, в том числе в направлении Центральной Азии и Китая.

Таким образом, нестабильность в Афганистане не только тормозит развитие иранских экономических интересов, но и вытесняет Тегеран с ключевых логистических направлений, снижая его влияние в регионе [The Afghan Taliban in Power, 2023].

Риск вооружённых столкновений и пограничной дестабилизации. Несоблюдение Афганистаном соглашения 1973 года по реке Гильменд привело к вооружённому инциденту в мае 2023 года, что подчеркнуло риск перерастания экологического конфликта в политический [Ahmadi A., (2023)].

Угроза гражданской войны и формирование прагматичного взаимодействия с «Талибаном»

После прихода движения «Талибан» к власти в 2021 г. в Афганистане сохраняется высокий риск эскалации вооружённого конфликта. Активизировались антиталибские силы – Фронт национального сопротивления Афганистана (FNR), Фронт свободы, Высший совет нацио-

нального сопротивления и представители прежнего правительства [USIP, 2023; ICG, 2023]. Эти группировки проводят партизанские операции в Паджшере, Бадахшане и Тахаре, демонстрируя устойчивость и боеспособность. По оценкам Hudson Institute и Afghanistan Analysts Network, внешняя поддержка сопротивления (со стороны диаспоры, отдельных государств и негосударственных структур) может изменить баланс сил и привести к новой фазе гражданской войны [Hudson, 2023; AAN, 2024]. Такая эскалация способна дестабилизировать весь регион, усилив миграционные потоки и террористическую активность на границах, включая Иран.

Несмотря на идеологические различия между шиитским Ираном и суннитским «Талибаном», с 2021 г. наблюдается осторожное сближение. Иран, рассматривая стабильность Афганистана как стратегический приоритет, выстраивает дипломатические и экономические контакты с новым де-факто правительством. Тегеран не признал режим талибов, однако поддерживает рабочие связи: уже в октябре 2021 г. он организовал межафганскую конференцию с участием «Талибана» и оппозиционных групп, призывая к созданию инклюзивного правительства с участием всех этноконфессиональных общин, включая хазарейцев [Rubin, 2021].

К 2023 г. отношения между странами приобрели прагматичный характер, особенно в сферах миграции и безопасности. При этом остаются серьёзные противоречия – прежде всего по водным вопросам. Заявление муллы Ахундзаде в июне 2023 г. о необходимости «уважения суверенитета Афганистана, включая вопросы воды» [Al Jazeera, 2023] вызвало жёсткую реакцию Тегерана, усилив напряжённость вокруг распределения вод реки Гильменд.

Важной темой диалога остаётся вопрос безопасности границ, особенно в провинциях Систан и Белуджистан. Тегеран заинтересован в сотрудничестве с «Талибаном» в борьбе с транснациональной преступностью, включая наркотрафик. При этом в 2022–2023 гг. происходили вооружённые инциденты на границе, связанные с водным конфликтом из-за реки Гильменд [International Crisis Group (ICG), 2022].

Кроме того, Иран активно использует неформальные механизмы влияния на талибскую политику через хазарейские и шиитские общины, а также гуманитарные и экономические инициативы в западных провинциях Афганистана. Одновременно Тегеран дистанцируется от радикальных антишиитских фракций внутри самого «Талибана», что свидетельствует о попытке дифференцированного подхода к различным центрам силы в Афганистане [Farrell, 2023].

Таким образом, талибо-иранские отношения представляют собой сложную гибридную модель, сочетающую элементы сдержанного диалога, конкуренции интересов и идейного отчуждения. Сотрудничество между сторонами ограничено отсутствием доверия, но сохраняется как необходимый элемент региональной стабилизации.

Итоговые угрозы для региональной безопасности Ирана

С 2021 г. Исламская Республика Иран сталкивается с рядом взаимосвязанных вызовов, связанных с трансформацией политического режима в Афганистане после прихода к власти движения «Талибан». Одной из центральных угроз остаётся вероятность превращения афганской территории в безопасное убежище для террористических и сепаратистских группировок, враждебно настроенных к Ирану. Ещё до вывода американских войск из страны провинции Герат, Нимруз и Гильменд использовались как плацдармы для деятельности таких групп, как «Моджахеддин-э Хальк» и белуджская организация «Джундуллах», которые, по ряду источников, курировались иностранными спецслужбами [Cordesman, 2022; Rubin, 2021].

Вторым серьёзным вызовом остаётся наркоугроза. Согласно данным UNODC, несмотря на декларированный талибами запрет на выращивание мака, в 2022–2023 гг. объёмы его производства остались высокими, а переработка в героин и метамфетамин активизировалась внутри страны [UNODC, 2023]. Иран, располагаясь на ключевом маршруте «ирано-балканского коридора», несёт основную нагрузку в борьбе с транзитом опиатов в Европу. По данным Brookings Institution, иранские спецслужбы перехватывают до 80% транзитного героина, однако контрабанда синтетических наркотиков остаётся устойчивой проблемой [Brookings, 2023].

Дополнительное давление на Иран оказывает гуманитарный фактор: страна остаётся крупнейшим принимающим государством для афганских мигрантов и беженцев. По оценкам UNHCR и IOM, в Иране проживают миллионы афганцев, часть из которых не имеют полноценного правового статуса. С 2024 г. правительство Ирана запустило программы легализации, выдачи временных ID и частичного доступа к образованию и здравоохранению [UNHCR, 2024; NRC, 2023]. Тем не менее ресурсоёмкость интеграции беженцев требует международной поддержки, особенно со стороны ООН и ЕС [HRW, 2024].

Отдельную угрозу представляет вероятность нового витка гражданской войны. Вооружённые антиталибские силы, включая Фронт национального сопротивления, Фронт свободы и Высший совет сопротивления, активизировались в северо-восточных регионах, включая Панджшер, Бадахшан и Тахар [USIP, 2023; Hudson Institute, 2023]. В случае внешней поддержки эти группировки могут изменить политический ландшафт и создать новые источники нестабильности на границах Ирана.

Также сохраняются экологические и трансграничные риски, в частности – конфликт вокруг распределения вод реки Хильменд. Это уже вызывало дипломатическое обострение между Тегераном и Кабулом, включая инциденты на границе в 2022–2023 гг. и заявления об угрозе национальной безопасности [ICG, 2023].

Таким образом, ситуация в Афганистане остаётся многомерным и трудно прогнозируемым вызовом для Ирана, охватывающим спектр угроз: от терроризма и наркотрафика до демографии, экологии и трансграничной безопасности.

Активизация антиталибского сопротивления и риск гражданской войны

С 2021 г. образовались четыре основных анти-талибских группировки:

«Правительство в изгнании» под руководством Амруллы Салеха (экспрезидентский вице-президент).

Фронт национального сопротивления Афганистана (Ахмад Масуд).

Высший совет национального сопротивления (Турция, октябрь 2021).

Фронт свободы Афганистана (ген. Зия Ясин).

При активной внешней поддержке их мобилизационный потенциал способен спровоцировать новый виток гражданского конфликта с последствиями для пограничных районов Ирана.

Водный конфликт и борьба за трансграничные ресурсы

Одним из наиболее острых факторов региональной нестабильности остаётся распределение трансграничных водных ресурсов, прежде всего воды реки Гильменд, протекающей из Афганистана в иранскую провинцию Систан и Белуджистан. Дефицит воды на ирано-афганской границе имеет хронический характер и периодически приводит к вооружённым инцидентам между пограничными силами.

Согласно соглашению 1973 г., Афганистан обязуется ежегодно пропускать в Иран 820 млн кубометров воды, однако после прихода к власти движения «Талибан» в 2021 г. объёмы поставок систематически сокращаются. Тегеран рассматривает это как нарушение

международных обязательств и серьёзную угрозу экологической и продовольственной безопасности приграничных регионов.

В мае 2023 г. ситуация достигла критической точки: иранские официальные лица, включая президента Эбрахима Раиси, публично призвали талибов «немедленно возобновить подачу воды», подчеркнув, что «Иран не останется без ответа» в случае продолжения блокады. В ответ последовали локальные перестрелки в районе пограничных водозаборов, усугублённые засухой и политической неопределённостью.

Угроза водных конфликтов усиливается на фоне климатических изменений и демографического давления. Высыхание озера Хамун и деградация сельскохозяйственных земель в провинции Систан и Белуджистан подрывают устойчивость местных сообществ и провоцируют рост миграции. Таким образом, водная проблема становится не только источником конфликтов, но и мультипликатором других угроз – экологических, гуманитарных и политических.

Как отмечает International Crisis Group (2022), устойчивое управление трансграничными водными ресурсами требует институционального диалога и международного посредничества. Без этого, Иран и Афганистан рискуют скатиться в затяжное соперничество, которое может перерасти в полномасштабную приграничную дестабилизацию [ICG, 2022].

Присутствие внешних разведок и геополитические манипуляции

Афганистан превращается в «полигон» для работы спецслужб США, Китая, России, Пакистана и Саудовской Аравии. Информационные операции и «частные военные компании» в сочетании с конкуренцией внешних акторов создают фон взаимного недоверия и повышают риск инцидентов на иранской границе.

Дестабилизация инфраструктурных проектов

Нестабильность затормаживает реализацию транспортно-логистических коридоров (Герат-Хаф, Герат-Кандагар) и проекты разработки афганских месторождений (железная руда, уран, редкоземельные металлы). В результате Иран рискует потерять стратегические экономические и геополитические преимущества в регионе.

Экологические и продовольственные вызовы

Засуха, нерациональное использование земель и продовольственный дефицит провоцируют новые волны миграции и требуют отвлечения ресурсов Ирана на гуманитарную и экологическую помощь, что ослабляет его обороноспособность.

ВЫВОДЫ

Представленные риски формируют многослойную картину угроз для Ирана. Они охватывают военные, политические, экономические, гуманитарные и экологические аспекты, что требует комплексного ответа иранской стратегии региональной безопасности.

Таблица 1.

Классификация экзистенциальных угроз Ирана,
исходящих с территории Афганистана (2021–2022)

№	Тип угрозы	Проявления	Последствия для Ирана
1	Терроризм	Антииранские группировки в Герате, Нимрузе, Гильменде	Угроза безопасности в приграничных провинциях
2	Религиозный экстремизм	Преследование шиитов, хазарейцев	Возможное вмешательство защита религиозного меньшинства
3	Геополитическое давление	Активность США, Саудовской Аравии, Индии, Пакистана	Потеря регионального влияния, угроза окружения
4	Наркотрафик	Расширение маршрутов опиатов (ирано-балканский коридор)	Финансирование терроризма, рост преступности, нагрузка на МВД
5	Массовая миграция	3 млн. афганцев, проникновение радикалов под видом беженцев	Гуманитарное давление, социальная нестабильность
6	Гражданская война	Активизация антиталибских сил	Дестабилизация приграничной зоны, рост населения
7	Водный конфликт	Споры по реке Гильменд, конфликт 2023 г.	Вооруженные столкновения, засуха, социальное напряжение
8	«Войны разведок»	Присутствие ЧВК, спецслужб внешних держав	Повышение риска провокаций и шпионских операций
9	Инфраструктурные риски	Заморозка проектов Герат-Хаф, Герат-Кандагар	Потеря торгового и стратегического контроля
10	Экологические вызовы	Засуха, деградация почв, высыхания озера Хамун	Рост миграции, продовольственный дефицит, кризис в сельском хозяйстве

Источник: авторская разработка на основе результатов экспертного опроса (метод Delphi, 2021–2025 гг.).

В подтверждение сделанных выводов важно привести слова Посла Ирана в Казахстане Али Акбара Джокара, интервью с которым было проведено в рамках данного исследования. По его словам, «Афганистан – сосед Ирана с протяжённой границей, и между нашими странами существуют тесные взаимосвязи. Эти связи начали формироваться ещё во времена советского вторжения, когда миллионы афганских беженцев хлынули в Иран. Несмотря на то, что тогда Иран вёл войну с Ираком и переживал экономические трудности после революции, он, как мусульманская страна, открыл двери для афганцев...». Посол отметил, что на протяжении последних десятилетий Иран несёт значительные гуманитарные и финансовые издержки: «Миллионы беженцев обосновались в Иране, пользуются бесплатным образованием, медицинской помощью и субсидированными государственными услугами. При этом международная помощь, поступившая в Иран, была минимальной...» Особое внимание в его высказываниях уделено вопросам наркотрафика, безопасности и регионального сотрудничества: «После ввода коалиционных войск производство наркотиков выросло в разы. Иран понёс наибольшие потери в борьбе с наркотиками – почти 4 тысячи человек погибли, противодействуя наркоторговцам... Иран всегда стремился к сотрудничеству с Афганистаном, Пакистаном и другими странами региона...».

Интервью с послом позволяет сделать важный вывод: Иран рассматривает стабильность в Афганистане как экзистенциальный приоритет и готов продолжать стратегическую поддержку в гуманитарной, инфраструктурной и дипломатической сферах.

Прогнозные сценарии развития ситуации в Афганистане и их последствия для Ирана (2025–2030)

В рамках методологии future studies представляется возможным выделить три вероятных сценария эволюции афганской обстановки и их влияние на безопасность Ирана в среднесрочной перспективе.

Сценарий 1. Условная стабилизация режима «Талибан»

При условии закрепления власти движения «Талибан» укрепит власть, снизит внутренние фракционные конфликты и обеспечит базовый уровень управления, вероятно постепенная легализация режима на международной арене. При этом сотрудничество с Ираном может развиваться в прагматичном русле: безопасность границы, борьба с наркотиками, инфраструктурные проекты. Однако идеологическое и религиозное расхождение с шиитской моделью Ирана останется сдерживающим фактором [Rashid, 2010].

Сценарий 2. Затяжной кризис и дестабилизация

При сохранении экономического кризиса и усилении активности ИГИЛ и Фронта национального сопротивления. Усиливается гуманитарный кризис и поток беженцев. В этом случае Иран будет вынужден увеличить военные расходы на охрану границы и активизировать дипломатические каналы. Рост нестабильности создаёт высокий риск радикализации в приграничных районах и угрозу иранским проектам в Западном Афганистане [Farrell, 2023].

Сценарий 3. Гибридное вмешательство внешних игроков

Афганистан превращается в арену конкуренции разведслужб и военных интересов внешних держав (США, Китай, Пакистан, Саудовская Аравия). Усиление «войн по доверенности» и использования частных военных компаний приведёт к ухудшению общей безопасности региона. Ирану предстоит выстраивать многоуровневую политику балансировки и усиливать союз с Китаем и Россией в рамках ШОС и БРИКС [ICG, 2022; Rubin, 2021].

Таким образом, каждый из прогнозируемых сценариев требует адаптивной и гибкой стратегии со стороны Ирана. Независимо от направления трансформации, Афганистан останется фактором нестабильности, оказывающим критическое влияние на национальную безопасность и внешнеполитическую повестку Ирана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2021–2025 гг. нестабильность в Афганистане создаёт для Ирана комплексные вызовы – военные, террористические, экономические, экологические и гуманитарные. Результаты исследования, основанные на методе Дельфи и анализе через призму секьюритизации, указывают на необходимость многоуровневой стратегии реагирования.

Ключевое значение приобретает дипломатический компонент. Как отметил Посол Ирана в Казахстане Али Акбар Джокар, гуманитарная миссия, борьба с наркотрафиком и содействие стабильности в Афганистане остаются приоритетами внешней политики Тегерана. Иран несёт значительные издержки, одновременно проявляя активность на международных и двусторонних площадках, продвигая идеи мира и развития.

Предлагаемая модель стратегического ответа включает:

укрепление сотрудничества со странами, граничащими с Афганистаном; усиление пограничного контроля и антитеррористической координации; развитие совместных инфраструктурных проектов с учётом региональных рисков; гуманитарную поддержку мигрантов при соблюдении мер безопасности.

Обострение водного спора по реке Гильменд, приведшее к дипломатическим и вооружённым инцидентам, демонстрирует, как экологический дефицит способен перерасти в политический конфликт. Отсутствие действенных механизмов урегулирования усиливает риски эскалации и требует участия международных структур. Включение водной проблематики в повестку ШОС, БРИКС и ОИС может способствовать снижению напряжённости и выработке модели устойчивого управления ресурсами.

Сочетание силовых, дипломатических и гуманитарных инструментов позволит Ирану минимизировать последствия афганской нестабильности и укрепить позиции в региональной системе безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бузан Б., Вэвер О., де Вильде Я. *Безопасность: новая рамка анализа*. М.: ИНИОН РАН, 2003 [Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Moscow: INION RAN, 2003 (Russian translation)].

Комиссариат ООН по делам беженцев. *Глобальный отчёт о беженцах*. Женева: УВКБ ООН, 2022 [United Nations High Commissioner for Refugees. *Global Report on Refugees*. Geneva: UNHCR, 2022 (in Russian)].

Конаровский М.А. *Афганистан и Иран: история отношений и современные вызовы*. М.: Международные отношения, 2021 [Konarovskiy M.A. *Afghanistan and Iran: History of Relations and Modern Challenges*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2021 (in Russian)].

Окимбеков Д.К. *Центральная Азия между Ираном и Афганистаном: региональные угрозы и возможности*. Алматы: КазНУ, 2021 [Okimbekov D.K. *Central Asia between Iran and Afghanistan: Regional Threats and Opportunities*. Almaty: KazNU, 2021 (in Russian)].

Сажин В.И. *Иран в современном мире: вызовы и стратегии безопасности*. М.: ИНИОН РАН, 2022 [Sazhin V.I. *Iran in the Modern World: Challenges and Security Strategies*. Moscow: INION RAN, 2022 (in Russian)].

- Сафранчук И.В. *Афганистан после 2021 года: новые реалии и интересы региональных держав*. М.: МГИМО-Университет, 2022 [Safranchuk I.V. *Afghanistan after 2021: New Realities and Interests of Regional Powers*. Moscow: MGIMO University, 2022 (in Russian)]
- Abbas H. *Pakistan's Drift into Extremism: Allah, the Army, and America's War on Terror*. London: Routledge, 2005.
- Afghanistan's Illicit Economy under Taliban Rule*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2023.
- Ahmadi A. *Iran – Afghanistan Water Dispute and Border Tensions*. Washington, DC: Middle East Institute, 2023.
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner, 1998.
- Cordesman A.H., Colley J.K. *Afghanistan and Terrorism: Lessons from the Last War*. Washington, DC: CSIS Press, 2022.
- Farrell T. *The Afghan Taliban in Power: Strategy and Governance*. Chatham House Report. London, 2023.
- The Future of Afghan Resistance and Regional Stability*. Hudson Research Paper. Washington, DC, 2023.
- Ghafari A.A., Lefèvre D. *Afghanistan's Future: Security, Governance, and Regional Implications*. UNU-CRIS Working Paper, 2023.
- International Crisis Group. *After the Withdrawal: Security Challenges in Afghanistan*. Brussels: ICG, 2022(1).
- International Crisis Group. *The Iran–Afghanistan Water Dispute: Crisis and Opportunity*. Brussels: ICG, 2022(2).
- Maley W. *The Afghanistan Wars*. New York: Palgrave Macmillan, 2022.
- Rashid A. *Taliban: Militant Islam, Oil, and Fundamentalism in Central Asia*. New Haven: Yale University Press, 2010.
- Resistance in Afghanistan: New Dynamics under Taliban Rule*. AAN Policy Brief. Kabul, 2024.
- Rubin B.R. *The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System*. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 2021.
- The Economist Intelligence Unit. *Iran and Afghanistan: Border Challenges and Regional Responses*. London, 2024.
- Iran Deports Thousands of Afghan Migrants Daily. *The Wall Street Journal*. April 2025. <https://www.wsj.com/articles/iran-afghanistan-refugees> (accessed: 10.04.2025).
- UNHCR. *Global Trends: Forced Displacement in 2022*. Geneva: United Nations High Commissioner for Refugees, 2022. <https://www.unhcr.org/statistics> (accessed: 15.04.2025).
- UNODC. *World Drug Report 2023*. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТАИРОВА Диана Рафиковна – доктор
PhD по международным отношениям,
старший преподаватель кафедры
регионоведения факультета международных
отношений Евразийского национального
университета имени Л.Н. Гумилёва, Астана,
Казахстан.

Diana R. TAIROVA, PhD (International
Relations), Senior Lecturer, Department of
Regional Studies, Faculty of International
Relations, L.N. Gumilyov Eurasian National
University, Astana, Kazakhstan.